

СПЕЦИФИКА ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОГО ПРОЕКТА Ж. ДЕРРИДА*

Ф.Е. АЖИМОВ, И.А. ШУЛЬМИН

Идущие сегодня в медиасфере процессы достаточно убедительно, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что феномены «третьей природы» (виртуальной реальности) образуют свой особый мир, не сводимый к явлениям «второй природы» (к миру артефактов). Во всяком случае, такая трактовка происходящего в этой сфере открывает дополнительные перспективы для ее исследования. В частности, захватывающая сегодня практически всю медиасферу интенсивная «дигитализация» (мы намерено употребили этот медицинский термин в его новом медиа-значении), т.е. перевод информации в цифровую форму, демонстрирует нам, что интернет-дискурс, успешно набирающий популярность в сети Интернет и обретающий статус языка массовых коммуникаций, уже не может рассматриваться лишь как нечто технически отличающееся от традиционных форм межличностного общения — от классического письма и естественной речи. А эта констатация, в свою очередь, отправляет нас к идеям Жака Деррида — к его постметафизическому проекту «протописьма». Что открывает возможность рассмотреть феномен интернет-дискурса в контексте его идей как феномен, альтернативный традиционным логоцентристским видам коммуникации.

Деррида настаивал на нежизнеспособности классической метафизики, полагая, что сформулировать новую философскую парадигму можно только в ходе аналитической работы над языком классических текстов. Классическая метафизика не принимает никаких классических же философских аргументов, ставящих ее под сомнение. Поэтому, полагает Деррида, если ее критический анализ и возможен средствами философии, то только «извне».

На статус такой критики может претендовать, например, утверждение, что «не существует трансцендентального и привилегированного означаемого и что поле или игра значений не имеет пределов»¹. Но проблема в данном случае, с точки зрения Деррида, будет заключаться в том, что любые, даже антиметафизические, утверждения уже являются метафизикой. Антитеза, или лучше сказать антоним, «метафизике» не может строиться по схеме «*S* есть *P*», он должен быть вне языка, а значит, и мысли. Но отказ от мысли и языка будет означать пассивный отказ и от критики метафизики. Таким образом, высказать что-либо против метафизики можно только находясь в пределах самой метафизики. Ведь, как представляется, предельной реальностью, в рамках которой находятся все области интеллектуальной культуры и, между прочим, мы сами, является язык. Деррида,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации. Проект МД-7135.2016.6 «Развитие историко-философских концепций в философской мысли конца 20 – начала 21 вв.»

следовательно, желает противопоставить метафизике нечто неязыковое и тем самым «сбить ее с толку». Но как это возможно?

Само название многих работ Деррида приводит читателя в недоумение. В заглавиях на первый план выходят артикли, предлоги, знаки препинания, а сами слова, во-первых, используются, как правило, в непривычном значении, и, во-вторых, принадлежат к разряду редко употребляемых. Такие названия всегда звучат как раздражающая какофония для европейского уха. Французский автор пишет и изъясняется сложным языком, но отнюдь не ради самой сложности. Он пытается вырваться из замкнутого круга языковых горизонтов, на которых строится классический язык и классическое мышление. Деррида недвусмысленно говорит по этому поводу: «Я страдаю от этого... и делаю все, что полагаю возможным или приемлемым для того, чтобы избежать этой ловушки»². Проблема, согласно Деррида, заключается в том, что не существует «общего» языка для всех видов сознания. Деррида отвечает на упрек в нечитабельности своих текстов упреком всему языку в том, что не существует общего языка науки, литературы, философии. Именно отсутствие языковой основы для примирения мешает взаимопониманию этих культурных областей.

Другим элементом «внеязыковой» (как внесмысловой) критики метафизики становятся неологизмы, количество которых в работах Деррида очень велико (даже по сравнению с М. Хайдеггером). На Деррида, по всей видимости, большое влияние оказали известные феноменологические приемы М. Хайдеггера, которые получили у аналитических логиков название «тавтологий». Речь идет о таких известных выражениях как: «die Sprachspricht», «die Weltweltet», «die Zeitzeitigt», «der Raumräumt», «das Dingdingt» и др. Подобные «феноменологические» высказывания, бесспорно, создают иллюзию тавтологий или софистических трюков, однако, по мнению феноменологов, «тавтологии» позволяют продолжать наше движение по пути очищения сознания и избегать «ложных редукций»³. Но насколько отличаются тавтологии Хайдеггера от неологизмов Ж. Деррида? На наш взгляд, на этот вопрос можно ответить так: Хайдеггер — однозначен, а Деррида вызывает своими неологизмами к двусмысленности.

Деррида последовательно демонстрирует двусмысленность всего классического метафизического языка, и даже сам термин «метафизика» предстает у него в своей неоднозначности. Собственно в этой неоднозначности он и видит путь к «новой философии». Ведь как показывает Деррида, даже феноменология оказалась несвободной от метафизики. Более того, феноменологию можно назвать самой что ни на есть аутентичной метафизикой: «Феноменологическая критика выдает себя как момент в истории метафизической самоуверенности. И... мы беремся утверждать, что спасательным выходом для феноменологической критики является сама метафизика, возвращенная к своей подлинной чистоте в своем историческом достижении»⁴. Деррида намекает на то, что феноменология всякий раз заканчивается метафизическими построениями, хотя феноменологическое движение начинается исключительно как антиметафизический порыв. Проис-

ходит это потому, что феноменология направляет свои усилия на то, чтобы избежать двусмысленности, за что ее и упрекает Деррида. Сам он стремится именно к двусмысленности и пытается их удержать. И в этом ему, как это ни парадоксально, помогает опыт именно классической литературы, в которой он акцентирует феномен метафоры как «одновременно источник и многозначности, и однозначности»⁵.

Всем философам, по мнению Деррида, странным образом присуще стремление избежать двойственности и добиться однозначности. Лишь Гегелю, как он полагает, удалось «прочувствовать» противоречия и на их основе построить абсолютное знание⁶. Однако сам Гегель, тем не менее, стремится к некоторой позитивности, к «снятию» различий посредством синтеза. Ему, считает Деррида, еще присущ страх остаться «на различии». Главная цель Деррида, и он это демонстрирует в своих рассуждениях — отказать от *Aufhebung*, от «снятия» чего бы то ни было, т.е. он стремится никогда не останавливаться в различиях, не заканчивать процесс движения.

Различие (различАние), полагает Деррида, дано нам изначально, т.е. прежде бытия. Но этот тезис Деррида дает нам основание предположить, что «различАние» у него является, фактически, «метафизическим» понятием⁷. Различие и есть сама «онтология». Закавычивание термина означает в данном случае, что различие в силу своей сущности не может быть наличным, или быть «в присутствии»⁸. Различие всегда прежде онтологии, это доонтология, или антионтология (если избегать классических формулировок структуры философского знания). Оно «транскатегориально» так же, как и бытие, о «допонятийном предпонимании» которого говорил Хайдеггер. Однако различие Деррида по смыслу предшествует даже хайдеггеровской онтологической дифференциации бытия и сущего. Различие — бесосновная основа, в его пространстве, полагает Деррида, могут быть построены все философские системы (что на самом деле и происходит). Различие свободно от присутствия, в то время как бытие, очевидно, нет. «Различение не есть»⁹. Его, стало быть, можно сопоставить с небытием как с некоего рода пространством, которое все объемлет и в котором все существует, но само оно не существует, являясь чистым ничто. Различие, таким образом, является, по Деррида, и всей Историей: «Бог есть или является, *именуется*, в различии между Всем и Ничем, Жизнью и Смертью. В различии и как само это Различие. Это различие — то, что называется Историей. И Бог в нее *вписан*»¹⁰.

Выделенное Деррида курсивом последнее слово является знаковым для его понимания специфики знания. Ключевой здесь, по Деррида, предстает оппозиция «голос — письмо». Каким образом можно зафиксировать различие в восприятии? Как познать реальность, не умирая, не выходя за пределы? Для Деррида единственная возможность сделать это — грамматическое (т.е. не фонетическое) запечатление целостности мысли и стиля философии и литературы, т.е. письмо. Благодаря осмыслению феномена письма и может идти речь о целостности мира, о преодолении фрагментарности нашего опыта.

Письмо по Деррида «есть забвение... себя»¹¹, своеобразная смерть, но с возможностью памяти. Письмо предполагает контекст в том смысле, что

оно никогда не может быть не связанным с чем-либо. Письменный текст полицентричен. Голос, логос, абсолют (все перечисленные термины для Деррида — синонимы) являются конечными и замкнутыми понятиями, так как они направлены внутрь, они интериорны, в то время как письмо, будучи «забвением себя», может быть названо экстериорным. Голос претендует на некоторую непосредственность, несокрытость (Хайдеггер), а письмо уничтожает эту несокрытость объекта, но не в том смысле, что оно отдаляет нас от объекта, а в том, что, дистанцируя, сохраняет этот объект, делает объект объектом, а субъект субъектом.

Теперь, завершив необходимое для наших целей изложение некоторых релевантных пунктов концепции Деррида, рассмотрим, как эта концептуальная схема работает применительно к интернет-дискурсу.

«РазличАние» письма и речи в сети Интернет носит, пользуясь хайдеггерианской терминологией, онтико-онтологический характер. Онтическим измерением будет выступать феноменальное различие письма и речи как двух видов сущего. При этом мы полагаем, что данное различие самоочевидно и аналогично повседневному общению «оф лайн». Так, пользователи социальных сетей обмениваются как голосовыми сообщениями, так и текстовыми, равно как могут общаться друг с другом вербально (первичная знаковая система) или посредством письма как вторичной знаковой системы. Последнее ярко проявляется в так называемых мессенджерах (WhatsApp, Viber, Telegram и др.). Свободная конвертация живой речи в голосовое сообщение и ее расшифровка вполне укладываются в классическую схему аналого-цифрового и цифроаналогового преобразования данных (АЦП и ЦАП соответственно).

В более сложном случае, цифровая запись данных (дигитализация) может не нуждаться в языке (речи) как промежуточном звене. Например, синтезатор речи конвертирует текстовую информацию в аудиальную, однако голосовое воспроизведение текста не является логоцентричным в дерридианском смысле. Или другой пример, иллюстрирующий парадоксальную для обыденного представления ситуацию, при которой речь не выступает не только первичной знаковой системой, но даже вторичной. «Команда исследователей из калифорнийского университета Беркли совместно с учеными из Джорджтаунского университета (округ Колумбия) разработали средство для взлома мобильного устройства с помощью голосовых команд, встроенных в видео на YouTube»¹². Голосовые команды при этом «неуловимы для человеческого уха, но воспринимаются мобильными устройствами»¹³. И дело отнюдь не в том, что данные команды обладают недостаточными физическими качествами (громкость, частота и т.д.) для перцепции человеком, дело в том, что их и вовсе не нужно представлять феноменально, т.е. как произносимые и слышимые слова, несущие некоторое содержание и смысл. Девайс считывает код команды, которую никто не произносил и которую никто не слышал. «Голос» устройства, таким образом, не является логосом, т.е. планом выражения плана содержания.

Таким образом, в приведенных примерах фонетическое сообщение (язык или речь в классическом дискурсе) является просто еще одним

репрезентантом письма (в нашем случае это двоичная система языков программирования). Более того, данный репрезентант факультативен для интернет-дискурса. И в этом состоит онтологическое измерение феномена.

Онтологический план рассмотрения раскрывает «природу» самого интернет-дискурса. Последний, строго говоря, не есть язык в хайдеггерианском смысле. Дискурс представляет собой «различАние» и не является «домом бытия». Если хайдеггерианский язык логоцентричен и в конечном итоге редуцируется к смыслу бытия (а значит, тождествен ему), то дискурс есть различие, которое различает и само различается.

Во избежание путаницы с «онтическим» и «онтологическим» пониманием описываемой проблематики мы разводим понятия «письмо» и «прото-письмо». «Слова “письмо” и “прото-письмо” — поясняет Н.С. Автономова, — это постоянно обыгрываемая метафора: ведь письмо — это расчленение потока речи на слова, звуки и буквы, а здесь имеется в виду сам принцип расчленения, артикулирования»¹⁴. И опираясь на эти дерридеанские метафоры, мы делаем вывод, что дискурс — это дерридианское «протописьмо», которое соотносится с «онтическим» письмом как хайдеггерианский язык с естественным языком.

Интернет-дискурс, будучи двоичной системой, представляет собой онтологическую структуру «нулей и единиц», или кодированную систему присутствия/отсутствия сущего. При этом принципиально важно, что знаки «ноль» и «единица» не являются классической парой бинарной оппозиции, которая имела место в западноевропейской метафизике. Во-первых, как было показано выше, в классической метафизике присутствие является автореферентом, т.е. самотождественным понятием. Во-вторых, высказывание о бытии является денотативным суждением, т.е. оно описывает предмет — бытие. В случае интернет-дискурса знаки в паре бытие/небытие, или присутствие/отсутствие, выделяются аналитически и не имеют в качестве денотатов «объективных» бытия и небытия. Речь идет об идеальной системе знаков, которые не привязаны к конкретному означаемому и приобретают смысл лишь в комбинации (структуре). Комбинаторика элементов в двоичной системе и становится «каркасом» объектов электронной культуры (компьютерных программ, файлов, социальных сетей и пр.) Однако тогда возникает следующий вопрос: как возможно позитивное содержание данных объектов?

Б.Е. Пройс, обсуждая соответствующую проблематику, констатирует: «Цифровое изображение является видимой копией невидимого файла. В этом смысле оно сравнимо с византийской иконой — видимой копией невидимого Бога. Перевод в цифровой формат создает иллюзию, что различие между оригиналом и копией стерлось и что мы теперь имеем дело исключительно с репродукциями, беспрепятственно циркулирующими по информационному пространству. Но копий без оригинала не бывает. Различие между копией и оригиналом в случае цифровых изображений исчезает лишь потому, что код файла, содержащего то или иное изображение, сам по себе остается невидим»¹⁵. Но вдумаясь

в смысл фразы: «сам по себе невидим». Опять же, абстрагируясь, мы можем добавить и «неслышен». Как известно, в метафизической традиции, идущей от учения Платона, вещи бытовали в мире и могли быть постигнуты умозрительно как идеи. То есть вещь обладала внешней (видимой) формой в мире вещей и внутренней (интеллигибельной) — в мире идей. В случае же с кодом файла мы имеем дело не с идеей вещи или самотождественным понятием, но лишь со структурой «будущей» вещи. Эта структура различает в себе лишь двоичные элементы (ноль/единица) в определенных объемах информации (биты, байты, килобайты, мегабайты, гигабайты, терабайты и т.д.) Именно поэтому мы не сможем редуцировать данную в сознании вещь к ее идее/понятию/ чистой сущности, так как в ее «основе» лежит структура, которая различает.

Таким образом, позитивное содержание интернет-дискурса оказывается, с нашей точки зрения, смыслопорождающим эффектом последнего (его структуры), а не означаемым/референтом, как это имеет место в классических (метафизических) дискурсах. Речь в данном случае идет о превращенной форме дискурса, или интерфейсах.

В заключение отметим ключевые моменты предлагаемого в нашей статье взгляда на медиасферу. Специфика интернет-дискурса носит онтико-онтологический характер. Онтическое измерение — это символическая деятельность пользователей, осуществляемая при помощи разных типов знаков (аудиальных, вербальных, графических и т.д.). На данном уровне письмо и речь понимаются тривиально, в рамках обыденного сознания, а термин «дискурс» является синонимом термина «язык». На онтологическом уровне дискурс представляет собой дерридианское «прото-письмо», т.е. операцию «различения». В кибернетическом ракурсе «прото-письмо» является двоичной системой счисления, которая путем комбинаторики парных элементов передает некоторое позитивное содержание (информацию). Это содержание есть превращенная форма «кода» интернет-дискурса, а не выражение интенций пользователей.

В философском ракурсе сказанное означает: интернет-дискурс есть постметафизический проект, так как в отличие от традиционных видов коммуникации данный феномен не является формой представления сущего и логосом бытия, а выступает механизмом абсолютного различения («различания»). Таким образом, интернет-дискурс являет собой яркий пример метафизики Отсутствия, альтернативной классической метафизике Присутствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Деррида Ж. Письмо и различие. — М.: Академический проект, 2000. С. 448–449.

² Derrida J. Unsealing («The old new language») // Derrida J. Points: Interviews, 1974–1994. — Stanford: Stanford Univ. Press, 1995. P. 115.

³ Kusch M. Husserl and Heidegger on meaning // Synthese. 1988(oct.). Vol. 77. № 1. P. 118.

⁴ Деррида Ж. Голос и феномен. — СПб.: Алетейя, 1999. С. 14.

⁵ Ажимов Ф.Е. Метафизические проблемы взаимоотношения философии и литературы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 3. С. 59.

⁶ Деррида Ж. Письмо и различие. С. 73.

⁷ См.: Автономова Н.С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. С. 18.

⁸ Деррида Ж. Голос и феномен. С. 173.

⁹ Там же. С. 196.

¹⁰ Деррида Ж. Письмо и различие. С. 176.

¹¹ Деррида Ж. О грамматологии. С. 141.

¹² Исследователи взломали смартфон через YouTube. – URL: <https://lenta.ru/news/2016/07/12/voiceattack/> (дата обращения: 12.07.2016).

¹³ Там же.

¹⁴ Автономова Н.С. Деррида и грамматология. С. 14.

¹⁵ Гройс Б.Е. От картины к файлу и обратно: искусство в цифровую эпоху // Гройс Б.Е. Политика поэтики. – М.: Ad Marginem, 2012. С. 190.

REFERENCES

Avtonomova N.S. Derrida and grammarology. In: Derrida J. *Of grammarology*. Moscow, Ad Marginem, 2000, pp. 7-110 (Russian trans.).

Azhimov F.E. Metaphysical problems of interaction between philosophy and literature. In: *Humanities research in the Russian Far East*. 2010. No 3, pp. 56-62. (Russian trans.).

Derrida J. *Speech and Phenomen*. Saint Petersburg, Aleteya, 1999. 208 p. (Russian trans.).

Derrida J. *Writing and Difference*. Moscow, Academic project, 2000. 430 p. (Russian trans.).

Derrida J. *Of grammarology*. Moscow, Ad Marginem, 2000. 512 p. (Russian trans.).

Derrida J. Unsealing («The old new language»). In: Derrida J. *Points: Interviews, 1974–1994*. Stanford, Stanford Univ. Press, 1995, pp. 115-131 (Russian trans.).

Groys B.E. From the image to a file, and vice versa: the art of the digital age. In: Groys B.E. *The Poetics policy*. Moscow, Ad Marginem, 2012, pp. 189-198 (Russian trans.).

Kusch M. Husserl and Heidegger on meaning. In: *Synthese*. 1988. Vol. 77. No 1 (oct.), pp. 99-127 (Russian trans.).

Аннотация

В статье предпринимается попытка интерпретации интернет-дискурса как феномена медиасферы, рассмотренного в контексте идеи «прото-письма» Ж. Деррида, представленного у него в качестве альтернативы традиционным логоцентристским видам коммуникации. Общим философским контекстом статьи послужила тема метафизики в неклассической философии.

Ключевые слова: Деррида, метафизика, постструктурализм, информационное общество, интернет-дискурс, коммуникация, письмо.

Summary

The article attempts to deconstruct online discourse that is treated here as a project of «proto-writing» offered by Jacques Derrida, an alternative to traditional logocentric forms of communication. The problem of metaphysics in the non-classical philosophy presents the history of philosophy background for the study.

Keywords: Derrida, metaphysics, post-structuralism, information society, internet discourse, communication, letter.